

Михайлов Л. Д.

19/VI-88

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

19 ИЮН 1986

МЫСЛИ И ЖИЗНЬ РЕЖИССЕРА ОПЕРЫ

Книгу Л. Д. Михайлова «Семь глав о театре» с первого мгновения начинаешь ощущать как живую книгу, запечатлевшую живую душу автора и тех, чьи голоса звучат в его книге, как и в его жизни, в естественном, ненапряжном ансамбле с ним — ансамбле, сочиненном годами единения в стихии музыкального театра.

Это непередаваемо волшебное ощущение жизни человеческой и художественной индивидуальности в атмосфере и пределах отграниченного житейского пространства возникает от прямого соприкосновения с обликом книги, ее «оптической», наполнившейся образностью глубиной.

Книга прочитана, перелистана вновь. Ощущение диалога с автором, его спектаклями, многие из которых (московские все!) пластически зримо запечатлелись в сознании, не отслюпившись при этом от музыкального своего ореола, не покидают, длится и вдруг включает тебя в какую-то непрекращающуюся сценическую жизнь. Тем, кому предстоит вслед за Михайловым ставить оперы, книга его многое доверит, поведает, внушит. Но и тем, кто приходит или придет в оперу, чтобы открыть ее для себя как мир театра, истинно музыкального, но театра, книга эта многое и о многом расскажет. Просто — о сложном, сложно — о мучительно волнующем самого автора. И в каждой строке, в каждом произнесенном слове — искренняя надежда на понимание и зрительское соучастие в таинстве ежевечернего рождения спектакля «из духа музыки»!

...В апреле 1953 года поставил выпускник ГИТИСа Лев Михайлов свой первый спектакль — «Ромео и Джульетта» Шарля Гуно в Новосибирском театре оперы и балета.

В течение семи лет он — режиссер Новосибирской оперы создал на сцене этого величественного театра пятнадцать своих спектаклей. В их числе была «Ее падчица» («Енуфа») Леоша Яначека, классика чешской музыки XX века. До Михайлова к этому истинному шедевру никто у нас не обращался. Книга Михайлова возвращает нам атмосферу этой знаменательной для советского музыкального театра работы, как и других работ Михайлова, действительно замечательных по своим художественным достоинствам и общественному звучанию. Их оказалось много...

Двадцать лет, с 1960 по 1980 год, Лев Дмитриевич Михайлов был главным режиссе-

ром Московского академического музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Весной 1980 года мы случайно столкнулись в Козицком переулке, соединяющем улицу Горького и Пушкинскую улицу. С присутствующей ему какой-то особенной стремительностью Лев Дмитриевич шел вдоль решетки, отделяющей переулок от рабочего двора его театра, уставленного декорациями. Показалось, что он с пристальной энергией всматривался в эти дремлющие в ожидании своего сценического часа материализованные детали театральных пространств, словно хотел представить себе и эти, и еще не открытые пространства своего музыкального театра, своей жизни.

Мы поздоровались, но оказалось — простились. Михайлова вскоре не стало. Но стремительно упругое движение его примечательной фигуры — какое-то «самообгоняющее» — запечатлелось в памяти в неразрывности с его спектаклями, — исторической, первой по возвращении к людям (1963) «Катериной Измайловой» Шостаковича (вторая редакция), «Пиковой дамой» Чайковского, «Крутявой» («Водоворот жизни») словацкого композитора Эугена Сухона, «Июльским воскресеньем» Владимира Рубина, «Виринеей» Сергея Слонимского, «Хари Яношем» Кодая, «Кола Брюньоном» Кабалевского, «Любовью к трем апельсинам» Прокофьева и еще раз «Катериной Измайловой» Шостаковича (возобновление 1972 года)...

Я долго искал определение неповторимому «биоритму» михайловского движения в жизни и театре, пока не нашел, читая его книгу. В главе «Основоположники, Учителя», рассказывая о годах учения в студии Камерного театра, Михайлов пытается образно передать свое впечатление от Алисы Коонен — Эммы Бовари, когда она бежит от Родольфа: «Я могу сравнить это только со знаменитым пробегом Улановой в «Ромео и Джульетте». Это — когда душа летит впереди... Вот это «когда душа летит впереди» и есть, наверное, не только афористически точное определение режиссером переживаемого несравненными актрисами психологического состояния, но выражение ведомого и ему самому состояния духа в реальном художественном и жизненном устремлении. «Когда душа летит впереди» — это и есть идеал реалистического оперного спектакля, каким его ощущал Михайлов; идеал поэтического музыкального театра в традициях Станиславского, Немировича-Данченко, Фельзенштейна, но и Таирова, Баратова, чьим непосредственным учеником был Лев Михайлов.

«Когда душа летит впереди» — это и главное впечатление от лучших михайловских интерпретаций на сценах советских театров или на варшавской, будапештской, берлинской сценах; от самого Льва Дмитриевича; от книги «Семь глав о театре», повествующей о театральном бытии оперы, как оно складывалось в годы работы режиссера.

В апреле 1970 года Л. Д. Михайлов впервые попытался сформулировать замысел будущей книги. Сохранилась запись в домашнем архиве: «...Наша профессия беззащитна перед временем — она не фиксируется. От театральных художников остаются эскизы, от певцов и дирижеров — записи. От нас не остается ничего. Поэтому я хотел бы рассказать в книге о том, у кого и чему учился, какие люди влияли на меня, с какими проблемами я сталкивался, став профессионалом. Это может пригодиться тем, кто начинает свой путь в режиссуре. Книга должна заставить еще раз подумать и о музыкальном театре сегодняшнего дня»...

Он обсуждал план книги с друзьями (узнаем мы из короткого предвведения к изданию), собирался начать обработку стенограмм лаборатории режиссеров музыкальных театров, которую вел в ВТО с 1967 года. И все откладывал это до «лучших времен». Остались статьи, заметки, выступления, режиссерские комментарии...

«Мысли Льва Дмитриевича, зафиксированные в этой книге, возникали в процессе творчества, творчеству посвящены, творчество и определяли» (народный артист СССР, профессор Борис Покровский).

Седьмая глава «Последнее занятие лаборатории. 23 декабря 1979 года» завершается протокольной строкой: «Дальше занятие не стенографировалось».

И все. И конец книги.

И если что-то помешало застенографировать до конца беседу оперных режиссеров из разных театров России, что же может помочь «застенографировать» до конца человеческую жизнь...

Ничто. Разве сама эта жизнь, пока продолжается, скромностью и истовостью своей может снискать себе моральное право на внимание и благодарное возвращение к ней ныне живущих.

Только, как замечено у Михайлова, нужно «жить в искусстве по таланту!» Не больше. Но и не меньше.

Андрей ЗОЛОТОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

* Л. Д. Михайлов. Семь глав о театре. Размышления, воспоминания, диалоги. М., «Искусство», 1985.